

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

з. 1386

- 5 янв 1994

ПОРТРЕТ ДЕКАБРИСТА?

ГИПОТЕЗЫ

Молодой исследователь «расшифровывает» пушкинский рисунок

2207
Дюу написал его для Военной галереи Зимнего дворца в 1822 году. Грянуло восстание, и свое место среди героев двенадцатого года Волконский занял лишь десятилетия спустя...

— Но почему такой старый? Действительно — почему? И зачем он тут, на этом черновике, в 834-й тетради (шифр Пушкинского дома) на листе № 46? Нелепость!

Работаю в Пушкинском доме. Требовать бесценную тетрадь из-за весьма сомнительного сопоставления?

Да я уже и не помню, в какой тетради «мой Волконский». Но так случается, что совсем по другому поводу выписываю ее, и Римма Ефремовна Теребенина приносит мне восемьсот тридцать четвертую из святая святых — из

комнаты-сейфа бывшей петербургской биржи...

— Пушкин писал в ней в 23-м и 24-м годах. «Онегин», наброски стихов и рисунки. Иногда на одном листе записи разных лет. Так что черновики стихов и рисунок могут и не совпадать по времени.

Листаю. Профили Воронцова, Александра Раевского и его отца, «холоднокровного генерала», один, другой, пятый набросок Марии Николаевны Раевской. Ее инициалы, ее питерский адрес. Это на 36-м листе.

Осторожно переворачиваю страницы. Вот Пушкин сам изобразил себя стариком (л. 26, оборот), а под ним сразу два профиля Марии Николаевны. Вот Пушкин молодой — самый известный его автопортрет. А ниже — вновь она! (л. 27, об.).

Портрет работы Д. Дюу.

И вдруг — ведь Маша Раевская, в которую он был (и не безответно!) влюблен, выйдет замуж за Волконского!

Это я неожиданно для себя вспоминаю, что через несколько листов, в самом конце тетради «мой Волконский».

Перебарываю. Закрываю тетрадь и начинаю сначала.

Она, она, она. Ту, кого он называл «своей черкешенкой». Та, которую ее отец, «самый храбрый» русский генерал, называет самой удивительной в мире женщиной. Та, которая сама решала свою жизнь и которая поедет в Сибирь.

В другое время я бы с час просидел над двадцатым листом этой тетради, где вдруг мелькает еще никому не ведо-

мый профиль поэта Шаликова (узнаю по уху и индивидуальной горбинке над переносицей.) Но сейчас не радуюсь и ему. Дальше!

Оборот листа 30-го. Молодые профили Раевской и Ризнич. А рядом — те же женщины, но лет через сорок.

Он любил заглянуть в будущее. Словно знал, что сам до старости не доживет. Но знать, какими будут они, было необходимо. И каким был бы он сам. Вот почему себя, Амалию и Марию он рисует стариками. И еще — Сергея Волконского, который был старше Маши на долгих 17 лет.

Для справки: над «Цыганам» поэт работал с января 1824-го по январь 1825-го. За

это время южная ссылка сменилась «северной», и в конце октября, когда он заканчивал первую редакцию «Цыган», Сергей Волконский прислал ему вежливое письмо о своей помолвке с Марией Николаевной. Сам Волконский в записках пишет, что влюблен в Машу был «уже давно».

И все в рисунке — и ревность, и пророчество старого цыгана, и судьба Мариулы и Земфиры...

Но более всего профиль Волконского на 46-м листе похож на его же дагерротип, сделанный в 1845 году в Урике.

Пророчить Пушкин умел.

Андрей ЧЕРНОВ.